

Чарина Ольга Иосифовна

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН РУССКИХ ЯКУТИИ

В статье рассматриваются локальные особенности лирических песен, бытующих в Приленье и на северо-востоке Якутии. Сравнение хороводных и любовных песен проводится на уровне мотивов фольклорного произведения, образов с учетом выявления языковых особенностей, связанных с билингвизмом носителей фольклора. Локальные особенности фольклора обусловлены характером заселения места, влиянием языка и фольклора иного этноса. Песни Приленья существуют в традиции открытого бытования фольклора. Часть песен Колымы и Индигирки бытует в наши дни без заметного влияния иных языков и фольклора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/11.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 41-45. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

В заключение следует отметить, что главный герой повести Ф. Абдулжалилова «Сын отца» Бектемир Муратов, прототипом которого является боец Красной Армии Калмырза Кумуков, погибший героической смертью, является образцом мужества и храбрости. Он неоднократно совершал героические поступки и погиб, повторив подвиг Александра Матросова – бросившись со связкой гранат на вражеское орудие...

Образ Бектемира восхищает своей внутренней силой, отвагой, решимостью идти до конца в святой битве за Родину, за Великую Победу.

Ногайская документальная проза второй половины XX века обладает такими значимыми качествами, как документальная точность, достоверность, историзм, высокая художественность и публицистический пафос.

Эти черты наиболее ярко и впечатляюще проявились в творчестве классика ногайской литературы Фазиля Абдулжалилова, воплотившего в своих прозаических произведениях строгую документальную основу и яркую художественную образность и масштабность.

Список литературы

1. **Абдулжалилов Ф. А.** Повестьер (Повести). Черкесск: РГБУ, 2013. Т. 1. 219 с.
2. **Асыл соьз. Ногай шайирлигининь антологиясы** (Антология ногайской поэзии). Черкесск: Изд-во КЧГУ, 2013. 445 с.
3. **Курмангулова Ш. А.** Адабият толкынларында (На литературной волне). Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 2002. 238 с.
4. **Сикалиев А. И.** Ногайский героический эпос. Черкесск: КЧИГИ, 1994. 328 с.
5. **Султанбекова М. К., Джазова М. М.** Ногайская проза начала XX века. Басир Абдуллин // Ногайцы XXI век. История, язык, культура. От истоков – к грядущему: материалы Первой Международной научно-практической конференции. Черкесск: КЧГУ, 2014. С. 341-345.

FEAT AS LIFE MEANING OF THE CHARACTERS OF F. ABDULZHALILOV'S STORY "THE FATHER'S SON"

Sultanbekova Marzhan Kel'dimuratovna, Associate Professor
Karachaevo-Circassian State University named after U. D. Aliev
m.dgazova@yandex.ru

The article demonstrates the role of folklore traditions in the Nogai writer F. A. Abdulzhalilov's story "The Father's Son". At the core of the work is a heroic feat of a young man during the Great Patriotic War of 1941-1945. The paper gives a description of the artistic image, the genre of the work from the point of view of actuality and artistic fiction, traces the historicism of thinking and the continuity of folklore traditions in artistic conceptions created by the writer.

Key words and phrases: continuity of traditions; documentary prose; feat; artistic creativity; genre.

УДК 398.838

В статье рассматриваются локальные особенности лирических песен, бытующих в Приленье и на северо-востоке Якутии. Сравнение хороводных и любовных песен проводится на уровне мотивов фольклорного произведения, образов с учетом выявления языковых особенностей, связанных с билингвизмом носителей фольклора. Локальные особенности фольклора обусловлены характером заселения места, влиянием языка и фольклора иного этноса. Песни Приленья существуют в традиции открытого бытования фольклора. Часть песен Колымы и Индигирки бытует в наши дни без заметного влияния иных языков и фольклора.

Ключевые слова и фразы: русские лирические песни; хороводные песни; песни русских старожилов; билингвизм; мотивы фольклорного произведения.

Чарина Ольга Иосифовна, к. филол. н., доцент
*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук*
ochar@list.ru

ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН РУССКИХ ЯКУТИИ

В последнее время, на переломе веков, современная фольклористика уделяет пристальное внимание фольклору отдельных местностей и регионов, глубокий научный интерес вызывает характер сохранности фольклора в местности, которая располагается изолированно от основных мест его бытования и в которой исследуемый фольклор находится в тесном взаимодействии с языком и фольклором соседних народов.

В данной статье нам важно было определить локальные особенности песенного фольклора, связанные с тем, какие жанровые разновидности лирических песен более всего подверглись изменениям: любовные и хороводные. Для этого сравним тексты песен на уровне мотива, образа, рассмотрим характер языковых изменений.

Традиционный русский фольклор в Якутии связан с местами, где русские заселились еще в XVII в. Эти места – нижнее течение рек Колыма и Индигирка, а также – Среднее Приленье, между Ленским районом и г. Якутск, основанным в 1632 г.

Старожилы Приленья и низовьев Колымы и Индигирки не имели общих связей, традиционный фольклор Русского Устья и Походска значительно отличается от того репертуара, который бытовал в Приленье. Известно, что на Колыме и Индигирке преобладали такие жанры, как былины и исторические песни. В свою очередь, в Приленье бытует песенный фольклор: хороводные, любовные песни, городской романс.

Русский фольклор на северо-востоке Якутии начали записывать в конце XIX – начале XX в. Важные материалы по устному творчеству Колымы зафиксировал Д. И. Меликов [19, с. 419-437]. В. Г. Богораз в «Областном словаре Колымского русского наречия» представил 72 песни игрового, любовного, семейного и хороводного плана [1, с. 199-222, 243-280]. В конце XX в. состоялись комплексные экспедиции с участием С. Н. Азбелева, Ю. Н. Дьяконовой, которые еще застали живое бытование традиционного фольклора. Все они отметили особый репертуар русскоустыинцев, древние черты языка; все эти исследования показывают несомненную связь устного народного творчества русскоустыинцев с новгородским, архангелогородским фольклором. А к концу XX в. уже шло активное «выветривание традиционного фольклора» [16, с. 13]. В сборнике «Фольклор Русского Устья» в число лирических и хороводно-игровых песен входит 32 песни. В основном эти песни бытовали до 1980-х гг. XX в. [Там же, с. 261-271].

Бесспорным толчком для основательного изучения устного народного творчества русских старожилов Якутии стало издание серии «Памятники фольклора». В сборнике «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» представлены 5 песен, записанных на Нижней Индигирке: «По мосту, мосточку, по калиновому», запись В. М. Зензинова, «Ваня белой, кудреватый», «Во саду ли, в огороде», «Еще есть-то у меня-то, у молодца», «Из-под камешка речка разливалась» из сборника «Фольклор Русского Устья»; 2 песни, зафиксированные на Колыме: «Из-под камня, из-под камня», «Что не ласточка с моря прилетала», записи В. Г. Богораз; одна песня в районе г. Якутска – «Как братец сестрицу растил» [10, с. 233, 272, 275, 300-301, 303, 345-346, 350-352].

Изучению фольклора старожилов Аллаиховского и Нижнеколымского улусов по русской песне послужили статьи и записи текстов А. Г. Чикачева, Ж. К. Лебедевой [7, с. 36-48; 20].

Г. В. Ксенофонтов произвел первые записи русских песен в 1923 г. и в 1925 г. в местах, где русские старожилы, потомки ямщиков и хлеборобов на реке Лене, в быту говорят на якутском языке, а песни поют по-русски. Так, в Хангаласском улусе, на станциях Тит-Ары и Бестяжская, он записал 13 песен [15, с. 95-102]. В Приленье долгое время песни русских старожилов почти не фиксировались. Однако студенты Якутского госуниверситета во время проведения фольклорной практики начиная с 1970 г. стали записывать произведения фольклора в Олекминском и Хангаласском улусах. В конце XX в. сотрудниками нашего института был проведен ряд экспедиций в районы – Хангаласский, Олекминский, Ленский в 1989, 1990, 2000, 2016 гг.

Особенности говора русских старожилов Приленья в якутском окружении изучает Р. И. Васильева в работе «Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия)» [2]. Часть исследований по русскому фольклору проводит автор настоящей статьи [15; 19]. А. С. Ларионова помимо нотации русских песен исследовала музыкальный фольклор русских старожилов Якутии [6, с. 266-271].

В методологическом плане важна работа В. Л. Кляуса и С. В. Супряги, которые провели сравнительный анализ фольклора семейских Забайкалья и русскоустыинцев [5, с. 8-17, 39-43]. Также для изучения локального фольклора мы опирались на такие сборники, как «Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни», где авторы во вводной статье определяют тематику песен и приводят тексты с нотацией [13]. Такое исследование поможет изучению русского фольклора Якутии в местностях, где с XVII в. постоянно селились русские старожилы, по берегам Средней Лены, низовьев Индигирки и Колымы.

Хороводные песни – основная часть традиционного русского фольклора, которая сохраняется, бережно передается от одного поколения другому. В Приленье нам известно 20 хороводных, игровых и плясовых песен [15, с. 28-41, 96-102]. В вариантах записаны такие песни, как «Я по горенке хожу», «Как у наших у ворот», «В хороводе были мы», «По ельничку» [Там же, с. 32-33, 36-37, 38-39, 102].

Последние экспедиции Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН на северо-востоке Якутии состоялись в 2001, 2005, 2013 гг. Записи этих экспедиций показали, что устное народное творчество русских старожилов своеобразно, это обстоятельство объясняется тесными связями русских старожилов с аборигенным населением. В начале декабря 2001 г. мы побывали в пос. Чокурдах и в с. Русское Устье; летом 2005 г. – в Нижнеколымском улусе: в с. Походск, в пос. Черский.

В Приленье, с одной стороны, и на реках Колыма и Индигирка, с другой стороны, бытовали варианты нескольких песен.

Основным досугом русских на Лене, а значит, и их соседей – якутов эвенков на протяжении столетий были вечёрки. Впрочем, многие сибирские старожилы предпочитали такой отдых. Во всех деревнях Хангаласского и Олекминского улусов водили хороводы. Здесь хороводные песни сопровождалось движением по кругу или змейкой, когда круг танцующих делал петли. Хороводно-игровые песни исполнялись при движении двух шеренг напротив друг друга («А мы просо сеяли») или при игре, когда в кругу находится ведущий. То есть игровая часть обрядового действия здесь, в Приленье, была глубоко разработана. Часть этих песен несет на себе следы влияния якутского языка. Так, песня «А мы просо сеяли» имеет варианты, когда вопрос звучит на якутском языке, а ответ – на русском: «Биһиги бурдук ыспыпыт» [Там же, с. 30]. Так проявляется билингвизм носителей фольклора в русской песне.

Рассмотрим известную песню «Во саду ли, в огороде», которая встречается в Приленье [Там же, с. 99-100]. Это одна из немногих песен из всего репертуара русских, записанная и в Русском Устье [16, с. 269]. Имеются варианты в Бурятии [17, с. 199-200, 243], Туве [11, с. 81]. В «Областном словаре» В. Г. Богораз встречается хороводная песня «Как по ейничку, по берозничку» с текстом [1, с. 209-210].

Зачин песни подвижен. Хангаласский и русскоустыинский варианты сходны по развитию основного мотива фольклорного произведения – передача подарков, вместе с тем видны различия в мотивах выбора этих подарков. В русскоустыинском варианте девушке не нужно «кумачу», «китаек», практичная героиня просит «два фунтика чая, головушку сахар», «алого грезенту на две шубки, на две юбки, на две телогрейки» из «остаток сошью себе шапку» [16, с. 269].

В Хангаласском улусе героине нужно «много ситса», много «бровых», она «сошьет себе шапку», «много ситцев, много бранных, много шелковицы, полущелковицы» [15, с. 102]. Как и в русскоустыинском варианте, герой тоже не прост, он «возьмет расписку», только после будет гуляние, будут «соловаться».

Концовка имеет типично хороходный характер с поцелуями. Песня «Как по ельнички, по березнички» по развитию мотивов близко примыкает к песне «Во саду ли, в огороде».

Основной фонетической особенностью исполнения песни в Приленье является замена звука «б» на «в» – «выли мы» вместо «были мы» [Там же, с. 99], звука «ц» на «с» – «девисса» вместо «девица», «соловаться будем» вместо «целоваться» [Там же, с. 99-100]. При записи текстов отражены лексические неясности, например «ного щечик, ного браник», при сравнении с другими вариантами становится ясно, что это фраза «много шелка, много бранного» [Там же, с. 102].

Любовные песни также отражают особенности своей локации. Например, следующая песня зафиксирована в Русском Устье – «Как под яблонькой такой» [16, с. 256] и в Приленье – «Как под липой, под липой» [15, с. 27]. О популярности этой песни в XIX в. свидетельствуют записи вариантов из сборника, изданного А. И. Соболевским в Пермской губ., Московской губ. [3, с. 329], Самарской губ. [Там же, с. 331-332], Тульской губ. [Там же, с. 333-334]. Песня бытовала и в других областях России, например в Новгородской области [14, с. 105-106]. Однако здесь преобладает наиболее употребительный зачин «Как под яблонькой такой», где герой в конце песни размышляет:

Не за мной ли гости едут,
Не меня ли брать хотят,
В тюрьму каменну сажать? [Там же].

Видно, что песня обладает развитым мелодраматическим сюжетом, имеет варианты [3, с. 331-334], которые показывают, что в иных вариантах девушка оставалась живой:

Повели Катю домой,
Не дорогой – стороной,
Задней улицей домой.

Это песня известна в Русском Устье как балладная:

У богатого купца,
У Сохрона молодца
Сочинилася беда маленькая:
Не сто рублей пропали.
Не тысяча серебро.
Пропадала у него
Дочь любимая его,
Швет Евгеньюшка-душа [16, с. 256].

Вариант насчитывает 37 стихов. А. Н. Розов, автор вводной статьи по песням, составитель текстов песен в сборнике «Фольклор Русского Устья», отмечает, что «во многих вариантах песня исполнялась как плясовая с особым зачином, не имеющим отношения к сюжету песни» [Там же, с. 324]. В части вариантов девушка найдена убитой в чужой бане. Об этом с тоской повествует герой, очевидно, несчастный ухажер. Перед нами достаточно подробный вариант, однако здесь отсутствует указание на то, у кого пропала «дочь любимая».

В г. Якутске записан следующий вариант:

Ой, да с-под яблонькой такой,
Под зеленой кудрявой,
Сидел молодец такой,
Неженатый, холостой,
Держал гармошку под полой,
Под полой, под полой
Под правой стороной [9, л. 25].

В Хангаласском улусе поют:

Как под липой, под липой
Под кудрявой, зеленой,
Да сидел молодец такой,
Держал гусли под полой,
Ой, полой, полой, полой,
Да на правой на сторонке
Макарьянской ярманки.
Макарьянска ярманка

У Сопрунова кушца.
У Сопрунова кушца
Да потерялася дочка [15, с. 27].

В Русском Устье зафиксирован еще один вариант:

Под кудрявой зеленой
Сидит молодец такой,
Дерзит гусли под полой.
Разыграйте, гусли-мусли,
Я вам песенку спою
Про женидбу про свою.
Поженила молодца
Чужедальна сторона
Макарьенска ярмарга [16, с. 324].

В примере, приведенном в сборнике «Хороводные и игровые песни Сибири», следуют стихи:

Поиграйте, гусли-мысли,
Я вам песенку спою
Про жанитву про свою.
Как жанила молодца
Чужа-дальна сторона...
Макаринска ярмылка [18, с. 145-147].

В хангаласском варианте утрачена мелодраматическая концовка сюжета, связанная с балладным характером произведения. Вариант, записанный в Синске, оканчивается на строках:

Да потерялася дочка,
Что не маленькая [15, с. 27].

Далее мотивы песни еще больше меняются. Вместо старинных «гуслей» появляется относительно современная «гармошка». Здесь песня утратила балладный трагический смысл, поскольку отброшена и концовка.

Иногда в песне наблюдается контаминация, как в варианте [3, с. 328-330], в котором герой не за «решетку попадает», а, как в песне о Ване, «нанял тройку лошадей». В Якутии в приленском варианте зачин следующий: «Как под липой, под липой» [15, с. 27], песня имеет меланхолический характер, и у нее нет трагической концовки. Относительно фонетических и грамматических изменений – в данной песне они не проявились.

Другой старинной песней о любви является «Соловей кукушку уговаривал» [Там же, с. 20-21]. Она восходит к исторической песне – о взятии Казани Иваном Грозным. Таковой ее воспринимают на Колыме и Индигирке. В отличие от исторической, песня в данном случае любовная, так как нет темы военных действий, образа царя [16, с. 246]. Имеются ее варианты в сборниках Соболевского [3, с. 309-310], «Русский фольклор Прибайкалья» [12, с. 123], «Лирические песни» [8, с. 270]. В песне очень устойчива первая часть, связанная с мотивом: соловей уговаривает кукушку, мальчишка уговаривает девушку. Девушка не верит: «Вреш, обманываш» (*самозапись Ф. Е. Седых – О. Ч.*) [15, с. 20-21].

Зачастую существуют варианты, где есть только первая, символическая, часть: «соловей кукушку уговаривал», например запись в Туве [11, с. 114], такое вступление делает песню популярной. В варианте из сборника «Лирические песни» иное развитие сюжета, в нем после символической части девушка спрашивает молодца: «Пошто он не весел?». Молодец страдает от того, что его отдают «в службу», а он хотел бы «хоть годочек в Москве побывать» [8, с. 270].

В примере, содержащемся в «Русском фольклоре Прибайкалья» [12, с. 123], концовка иная – девушка соглашается с парнем, хотя начинает:

Врешь, обманывашь.
Я сама, девчонка, в городе жила,
Казань – город славный,
При горе стоит,
К ему близко речка
С медом протекла,
Выпал ручеечек
Сладкой водочкой.

Олекминский вариант [15, с. 20-21] ближе к «каноническому» тексту:

Казань – город славный,
Под горой стоит, вдоль Казани речка
Волга протекла [Там же].

В русскоустыинском варианте, сохраняющем следы исторической песни, есть стихи:

Казань-городочек на костях стоит,
Казанская речка кровью протекла [16, с. 246].

До сих пор в селах Приленья вспоминаются частушки, имеющие зачин «Соловей кукушку», далее следует, например, озорной мотив «долбанул в макушку». Эта песня также не содержит значительных фонетических и грамматических изменений.

Таким образом, мы имеем два очага русской культуры в Якутии: первый – в Среднем Приленье, второй – в низовьях Колымы и Индигирки, т.е. на северо-востоке Якутии. Из всего массива песенных текстов зафиксировано четыре песни: «Как по ельничку», «Во саду ли, в огороде», «Как под яблонькой», «Соловей кукушку уговаривал», которые исполнялись в Приленье и на северо-востоке Якутии. В целом по песням, бытовавшим в Приленье, видно, что тексты практически не отличаются грамматическими неясностями и фонетическими изменениями, за исключением песни «Во саду ли, в огороде». На Колыме и Индигирке, несмотря на особенность говора поселенцев Русского Устья и Походска, в песнях почти нет лексических неясностей, связанных с влиянием языков и фольклора эвенов, юкагиров и якутов. Как показывают записи песен, воспроизведенные Н. В. Винокуровой в ее сборнике, некоторые песни бытуют в наши дни: «А в садочку да соловей поет», «Ой, поля, вы поля, вы широкие поля», «Скакал казак через долину» и др. [4, с. 35-36, 42].

Если с достаточной долей уверенности можно говорить о месте прежнего бытования отдельных былин в Архангельской губернии, то в отношении лирических песен подобные утверждения не имеют под собой никакой основы.

Список литературы

1. **Богораз В. Г.** Областной словарь колымского русского наречия: собрал на месте и составил В. Г. Богораз // Сб. Отделения русского языка и словесности Импер. Академии Наук. СПб.: Типогр. Импер. Акад. наук, 1901. Т. LXVIII. Приложение № 4. 346 с.
2. **Васильева Р. И.** Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) (на материале взаимодействия якутского и русского языков в Приленье). Saarbrücken, Германия: Lambert Academic Publishing, 2012. 150 с.
3. **Великорусские народные песни** / изд. А. И. Соболевским. СПб., 1895. Т. 1. 618 с.
4. **Винокурова Н. В.** Песенные традиции Колымы (по материалам музыкально-этнографических экспедиций 2009-2012 гг.). Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014. 104 с.
5. **Кляус В. Л., Супряга С. В.** Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006. 213 с.
6. **Ларионова А. С.** Музыкальный фольклор русских старожилов Приленья // Россия и Якутия: сквозь призму истории. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2007. С. 266-271.
7. **Лебедева Ж. К.** Песенная традиция субэтносов полярного ареала Севера-Востока Сибири // Культурное взаимодействие народов Республики Саха (Якутия): история и современность. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1995. С. 36-48.
8. **Лирические песни** / сост. предисл., подгот. текстов и примеч. П. С. Выходцева. М.: Современник, 1990. 652 с.
9. **Личный архив О. И. Чариной.** Материалы студенческих записей. Записи экспедиционных материалов 1993 г.
10. **Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока** / сост. С. И. Красноштанов, В. С. Левашов, В. М. Щуров. Новосибирск: Наука, 1997. 524 с.
11. **Русские народные песни в Туве** / сост. М. П. Татаринцева. Кызыл: Новости Тувы, 1993. 224 с.
12. **Русский фольклор Прибайкалья.** Улан-Удэ: БИОН СО АН, 1974. 423 с.
13. **Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни** / сост. Т. С. Канева, А. Н. Власов, А. Н. Захаров, Ю. И. Марченко и др. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. 351 с.
14. **Традиционный фольклор Новгородской области** / изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л.: Наука, 1979. 350 с.
15. **Фольклор русского населения Якутии (русские песни Ленского тракта)** / сост. О. И. Чарина. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1994. 130 с.
16. **Фольклор Русского Устья** / сост. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев и др. Л.: Наука, 1986. 384 с.
17. **Фольклор семейских** / сост. Л. Е. Элиасов, И. З. Ярневский. Улан-Удэ: БИОН СО АН, 1963. 672 с.
18. **Хороводные и игровые песни Сибири** / вступ. ст., сост. и примеч. Ф. Ф. Болоньева, М. Н. Мельникова. Новосибирск: Наука, 1985. 246 с.
19. **Чарина О. И.** Записи фольклора, произведенные Д. И. Меликовым в Нижнеколымском крае в 1893 г. // Из истории русской фольклористики. СПб., 2013. Вып. 8. С. 419-437.
20. **Чикачев А. Г.** Русские в Арктике: полярный вариант культуры: историко-этнографические очерки. Новосибирск: Наука, 2007. 303 с.

LOCAL PECULIARITIES OF LYRICAL SONGS OF THE RUSSIAN IN YAKUTIA

Charina Ol'ga Iosifovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
ochar@list.ru*

The article deals with the local peculiarities of lyrical songs prevailing in the Lena river region and in the north-east of Yakutia. The comparison of singing and dancing in a ring and love songs is carried out at the level of the motives of a folklore work and images taking into consideration the identification of language features associated with the bilingualism of folklore bearers. The local peculiarities of folklore are stipulated by the nature of the place settlement, the influence of the language and folklore of another ethnic group. The songs of the Lena river region exist in the tradition of the open existence of folklore. Some of the songs of the Kolyma and the Indigirka regions exist nowadays without any noticeable influence of other languages and folklore.

Key words and phrases: Russian lyrical songs; singing and dancing in ring songs; songs of Russian old-timers; bilingualism; motives of folklore work.